

не о разрешении административно-правового спора как такового, а о привлечении виновных лиц к публичной юридической ответственности (дисциплинарной, административной или уголовной), которое осуществляется в рамках самостоятельных (не административно-юстиционных) юридических процессов.

Еще одной разновидностью административно-правового спора является нормативный административно-правовой спор. Специфика его заключается в том, что органы государственного управления наделены полномочиями нормотворчества, т. е. полномочиями на издание нормативных правовых актов подзаконного уровня, напрямую затрагивающих права и законные интересы физических и юридических лиц. На современном этапе в Республике Беларусь отсутствует эффективный правовой механизм защиты прав и свобод подвластного субъекта в случае принятия органами государственного управления подзаконных нормативных правовых актов, которые эти права и свободы нарушают.

Объектом рассматриваемого административно-правового спора в отличие от спора, объектом которого выступает субъективное право подвластного субъекта, являются свойства позитивной правовой нормы нормативного правового акта подзаконного уровня, принятого в рамках реализации государственной функции правоприменения.

Учитывая то, что подобные правовые споры возникают в сфере государственного управления (сфере реализации функций исполнительной власти), наиболее эффективным способом защиты прав, свобод и законных интересов подвластного субъекта, по нашему мнению, является судебное рассмотрение спора, осуществляемое в рамках реализации функций административной юстиции.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Административно-правовой спор обладает определенной спецификой, обусловленной его объективными и содержательными характеристиками.

Объективными характеристиками административно-правового спора является наличие в нем одновременно двух объектов (субъективное публичное право подвластного субъекта и объективная возможность его реализации, а также законность деятельности органа государственного управления, а именно соответствие принятого решения установленной для него компетенции).

При этом субъективное публичное право подвластного субъекта является основным объектом административно-правового спора, поскольку является приоритетным для управомоченной стороны спора (подвластного субъекта). В свою очередь, законность деятельности органа государственного управления при принятии решения является

важным, однако производным (факультативным) его объектом, не оказывающим существенного влияния на окончательное решение по делу.

С содержательной стороны административно-правовой спор характеризуется специфическими правами и обязанностями его субъектов в процессе установления истины по делу. Указанные права и обязанности для характеристики правового спора именно как административно-правового должны устанавливаться нормами соответствующего административно-процессуального законодательства.

Исходя из особенностей объектов административно-правового спора, его можно разделить на следующие виды: государственно-управленческий, объектами которого являются, с одной стороны, право подвластного субъекта и возможность его непосредственной реализации, а с другой – законность в деятельности органов государственного управления; нормативный административно-правовой спор, объектом которого являются свойства правовой нормы, нормативного правового акта подзаконного уровня, затрагивающего права, свободы и законные интересы подвластного субъекта материальных административно-правовых отношений.

УДК 343.131.8

Ю.С. Климович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-го процесса Академии МВД Республики Беларусь

ОБ ИСТИНЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

М. Хайдеггеру принадлежат слова о том, что требуется величайшая тщательность, когда мы отваживаемся начать разговор на тему «Что такое – философия?». Полагаем, что меньшая тщательность требуется любому, рискнувшемуся заговорить об одном из главных вопросов философского знания – об истине. На протяжении веков она является предметом осмысления не только ученых, но и одной из центральных лексических единиц в разнообразных по жанру литературных и религиозных произведениях. Все они порождают множество связанных, но вместе с тем и различных высказываний о сути и значении данного явления.

В наше время энциклопедические словари сводят истину к универсалии человеческой культуры, ценностно-теоретическому понятию об идеале знания и способе его достижения. Анализ воззрений классической философии на способы определения истины позволяет обнаружить две наиболее общепризнанных ее концепции – корреспондентную и когерентную. Истоки обеих находятся в античности. Первая

исходит из идеи независимости субъекта от объективной реальности и мира наличного, области сущего. В соответствии с ней истина определяется как соответствие знания, мысли человека объективному положению предметов мира (Аристотель, Демокрит, Фейербах и др.). Классическое определение истины в таком ключе находим у Фомы Аквинского – «Veritas est adaequatio rei et intellectus» (истина является тождеством вещи и представления). Рационализация указанного подхода в Новое время привела к закреплению эксперимента (практики) как главного критерия истинного знания об объекте. Философская традиция диалектического материализма, центрированная на объективной реальности, разработала учение об истине как процессе перехода от относительного к абсолютному знанию, в основу которого был положен принцип отражения мыслящей материи самою себя.

Когерентная концепция истины также предполагает дистанцированность субъекта от объекта познания, но объекта не материального, а духовного, в качестве которого выступают мир идей, абсолютная идея, мировой разум (Платон, Гегель и др.). В таком случае бытие истины отождествляется с соответствием знания имманентным характеристикам надындивидуальной сферы. Главная роль в формировании указанного онтологического измерения истины, положенного в основание всей традиции объективного идеализма, конечно же принадлежит Платону, философу, мировоззренческая позиция которого построена на послышке о существовании двух миров – мира идеального, того, что никогда не станет реальным, и мира реального, который находится в становлении и не обладает идеальным бытием. Один из миров может быть познан только разумом, другой – исключительно чувствами. Процесс познания и объяснения действительного бесконечен. Истинное знание для смертных недоступно, свойством истины обладает только мир идей, с которым и отождествляется истина. С Платоном связывается возникновение традиции, получившей широкое развитие в христианском учении, а затем и в русской религиозной философии (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.) рассмотрения истины как ценности (идеи добра), мира вечности, подлинного бытия в противовес бытию, которое является нам в чувственном опыте. По парадоксальной мысли М. Хайдеггера, именно Платон, задав двойственное понимание истины, и как несокрытости, и как цели познания, идеи идей, заложил основы для последующей утраты древнегреческого со-мышления с бытием, что привело к возникновению европейского нигилизма с акцентом исключительно на человека и его *cogito*. Сам же М. Хайдеггер в греческой несокрытости видел прежде всего непотаенность как основное свойство самого бытия. «Истина здесь еще и несокрытость, и

правильность одновременно. Однако несокрытость уже стоит под ярмом *идеа*... Истина не есть больше как несокрытость, основная черта самого бытия, но вследствие подъяремности идее она стала правильностью, а отсюда впредь отличительной чертой познания сущего. С тех пор возникло стремление к истине в смысле правильности взирания и установки взгляда. С тех пор во всех основных установках на сущее достижение правильного взгляда на идеи становится решающим», – пишет М. Хайдаггер, анализируя миф о пещере Платона [1].

В дальнейшем когерентное направление концепции истины дополнилось подходами выведения ее из чистого сознания (Р. Декарт), априорных структур мышления (И. Кант), чувственных ощущений субъекта (Д. Юм). Возникают прагматические и конвенциональные воззрения на природу истины, когда ее отождествляют только с тем знанием, которое полезно (Б. Пирс, Д. Дьюи) либо видят в ней результат временного соглашения (А. Пуанкаре, Л. Витгенштейн, Р. Рорти).

В неклассической философии происходит деонтологизация концепта истины, она лишается объективного статуса и мыслится как форма психического состояния личности (С. Кьеркегор), как ценность, которая не существует, но значит (Г. Рикерт и в целом баденская школа неокантианства), феномен метаязыка формализованных систем (А. Тарский) [2, с. 411]. В эпоху постмодерна проблематика истины вообще постепенно удаляется на периферию круга основных вопросов философии по причине сформировавшегося в постструктуралистской топике отношения к представлению реальности в виде текста (Р. Барт, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар и др.).

В отечественном уголовном процессе с момента его обособления в XIX в. в самостоятельную отраслевую науку тематика истины рассматривалась преимущественно в гносеологическом аспекте, что породило дискуссии об истине как цели процесса, ее содержании, критериях достижения. Русские дореволюционные ученые-процессуалисты, категорически не отрицая необходимости достижения истины в уголовном процессе, относились к ней по-разному. «Чего мы требуем от судьбы? Истины. А что такое истина? Это верное отражение действительности в сознании человеческого; это – совершеннейшее по возможности тождество наших представлений о предмете с предметом, каков он есть в действительности... в ней две стороны: одна объективная, не зависящая от познающего лица, а другая субъективная, зависящая от свойств лица познающего, от его индивидуального ума, который может заблуждаться и судить опрометчиво и поспешно, от его воли, которая способна и сказать умышленно действительность и представить ее в превратном виде. Оба эти метода должны быть уважены в правильном методе познания» [3, с. 50]. М.В. Духовский писал: «Надо заметить, что

надеяться вообще открыть всегда истину в уголовном процессе нельзя; все, чего можно достигнуть – это так называемой уголовно-судебной достоверности. Тем более нельзя сказать, что истина или уголовно-судебная достоверность откроется безусловно такими-то доказательствами, что например, если два свидетеля согласны, то это правда, или если подсудимый признался, то это верно. Таким образом, безусловно совершенных доказательств нет и быть не может» [4, с. 225].

В советский период в теории уголовного процесса господствовала концепция так называемой материальной (объективной) истины, предполагавшая необходимость и, главное, реальную возможность установления точного знания о событии преступления по каждому уголовному делу. Это было обусловлено как закрытостью советского властного дискурса, всецело сконструированного на марксистской философии, так и естественно-научным пафосом начала XX в., оказавшим сильное влияние на область юридических наук. Как писал в свое время М.С. Строгович, «само понимание принципа материальной истины, его теоретическое обоснование определяется принципами марксистской философии и марксистской науки права. Поэтому принцип материальной истины в советском уголовном процессе есть советский правовой принцип социалистического правосудия» [5, с. 53]. По мнению А.Я. Вышинского, «требование советской процессуальной политики таково, чтобы все возникающие сомнения по данному делу были устранены, чтобы судом при вынесении приговора или решения руководила не приблизительная уверенность в своей правоте, а безусловная, то есть полностью соответствующая установленным по делу обстоятельствам» [6, с. 169].

Набиравший популярность на Западе с первой половины XX в. экзистенциализм, равно как и различные герменевтические исследования с их попыткой освободить гуманитарные науки от ориентации на естествознание и сциентизацию (Х.-Г. Гадамер «Истина и метод»), по понятным причинам не могли оказать сколько-нибудь значительного влияния на правовую науку советского государства, к тому времени интеллектуально находившуюся в плену позитивизма и юридической догматики. Последняя как полноценная правовая доктрина получила благодатную почву в советской теории права, которую редуцировала до приема обработки законодательства – юридической техники, заменив весь ее политико-правовой и философский слой марксистской идеологией [7, с. 10]. В таких условиях концентрация ученых-процессуалистов на разработке учения о материальной истине вкупе с неоправданной верой в возможности использования результатов естественных и математических наук в процессе доказывания вылилась в фактическое игнорирование фактора субъекта уголовно-процессуального познания, его индивидуальных психологических, социальных и целевых

установок. Почти не принимались во внимание очевидные свойства уголовно-процессуальной деятельности в виде ее риторической основы, наличия различного рода правил, презумпций и фикций (презумпция невиновности; запрет недопустимых доказательств; право обвиняемого на отказ от дачи показаний и т. д.), исключавших возможность использования полученных данных в доказывании. Очевидность и неизбежность судебных ошибок, ставивших под сомнение «незыблемость» объективной истины в уголовном процессе если и признавалась, то без особого стеснения квалифицировалась только лишь как ошибка в выборе метода. Такой подход, с одной стороны, привел к появлению в уголовно-процессуальной сфере того, что в науке принято называть наивным реализмом, а с другой – создал предпосылки для последующего критического переосмысления проблемы истины в уголовном процессе, вплоть до радикальных предложений о ее упразднении.

В настоящее время на постсоветском пространстве можно наблюдать плюрализм в вопросах понимания места и роли истины в уголовном процессе. Воспитанные в духе материализма ученые-позитивисты, нисколько не лукавя, по-прежнему видят ее в соответствии полученного эмпирическим путем знания о событии преступления объективной реальности. Те же, кто отрицает онтологию последней, заменяя ее языком или в духе постструктуралистов текстом, конечно же не соглашаются с возможностью существования истины как таковой в уголовном процессе, подменяя ее стандартом доказывания – «вне разумных сомнений». По их мнению, «судебная истина есть результат судебного разбирательства. Именно потому, что она представляет собой результат изобретения мысли из речевой фактуры по определенным правилам, основания ее не могут не быть языковыми, а значит, формально-юридическими... Объективная реальность не столько преломляется через призму юридического языка, проговаривается на нем, сколько перерождается, переформируется им, не будет преувеличением сказать, – создается заново» [8, с. 34]. Все это порождает долгие и нередко бесплодные споры, так как нет ясности, что оппоненты обращаются друг к другу с высказываниями по одному и тому же поводу, но на разных языках. Первый – принадлежит парадигмальной матрице Нового времени с ее верой в безграничные возможности рационального познания, где властвует концепция отражения и где отсутствие истины – лишь временное следствие неправильно выбранной методологии. Второй – язык постмодерна, чьи структуры сводят истину к временному результату игровых практик, «играм истины», а процесс познания заменяют гносиосимуляцией. Только в постструктуралистской топике, в сознании тех, кто ее в полной мере усвоил и разделяет, отсутствие истины – это никакая не утрата, не новость, а во многом цель, когда «нужно подвергнуть сомнению нашу волю к истине» (М. Фуко). По-

сткласическая риторика исходит из относительности не только истины, она отказывает в онтологии субъекту, объекту, в целом негативно относится к любому властному императиву и структуре. Ее дискурс сложен сам по себе, он не имеет четкого центра и структуры, его правила относительны, они все еще (правильнее будет говорить – всегда) формируются и доступны для понимания ограниченному числу представителей интеллектуальной элиты. В таких условиях тезис об отсутствии истины, постепенно внедряемый в уголовно-процессуальную почву, несет в себе значительную опасность. Дело в том, что при прочтении учеными-отраслевиками, а тем более простыми правоприменителями в большинстве случаев он воспринимается изолированно и буквально, осмысливается и встраивается в их пока еще стройную систему координат и рациональную картину мира модерна, на смену которому приходит, как выразился М. Конш, «экстравагантный ансамбль». Привыкнув иметь дело с истиной конкретной и практической, им очень сложно представить ее игровой, постоянно конструируемый наново речевыми практиками характер. Им, имеющим дело с такой важной социальной функцией, как уголовный процесс, в определенном смысле предлагается понизить пафос своей профессиональной деятельности, приблизив ее к сюрреалистичному миру барона Мюнхаузена, в котором правды не существует, правда это то, что сейчас принято считать правдой. А раз истины нет, то что тогда есть? На что тогда должна быть направлена деятельность органов уголовного преследования? Может быть на справедливость, на совесть? Есть опасение, что и эти категории вслед за истиной рискуют подвергнуться аннигиляции в уголовно-процессуальном дискурсе. Ибо не секрет, что идейные постструктуралисты давно в них видят абстрактные и авторитарные нарративы, ненужные для правового общества. Общества, в котором, по проницательной мысли К.С. Аксакова, право делает ненужным даже совесть.

Скажем откровенно, мы не испытываем больших симпатий к эмпиризму и рационализму модерна, всей его философской традиции, особенно в советском диалектико-материалистическом варианте. Еще больше нам не нравится весьма догматическая и упрощенная имплементация учения о материальной (объективной) истине на уголовно-процессуальную плоскость. История показала, что именно в ее рамках сформировалась печальная практика правоприменения 30-х гг. прошлого века, именно она во многом сохраняет изъяны догматического правоприменения сегодня. Но в то же время мы и не постмодернисты, а следовательно, не видим возможности отождествления истины и языка, несмотря на его кажущуюся значимость в современном мире. Человек на самом деле понимает больше, чем можно выразить на языке. «Язык – и это прекрасно понимали еще в античные времена – „дву-

лик“, двойственен. Он может выражать истину бытия и вместе с тем скрывать, подменять ее. Отрываясь от действительности и тем более подменяя ее, язык фетишизируется, утрачивая при этом различие между истиной и ложью, добром и злом, с легкостью меняя их местами» [9, с. 22]. Нам близко понимание истины как истинного бытия, а не просто характеристики нашего знания. Мы выступаем за истину, имеющую онтологическое измерение, истину духа, а не материи, ту, которую искали в античности, ту, о которой писали русские философы XIX–XX вв. Как верно выразился Ф.И. Гиренок, «обман и ложь составляют содержание жизни коммуникативного целого. Истина некоммуникативна. Поэтому она подлечит знаковому забвению. Истина всегда сопряжена с символом, а символ с молчанием. Не истина, а демагогия составляют коммуникативную перспективу современности. Ибо язык коммуникации говорит больше, чем хотят сказать... <...> Истину скорее можно увидеть, чем помыслить» [10, с. 28, 153]. Когда очевидные улики дают всем участникам судебного заседания абсолютную, а не вне разумных сомнений уверенность в виновности Дмитрия Карамазова в убийстве отца, истина являет себя в словах его брата Алексея: «Я по лицу его видел, что он мне не лжет... Более не имею доказательств» [11]. Даже откровенный критик традиции уголовно-процессуального истинствования А.С. Александров признает, что «текст русского права создан русским языком и выражает особенности мировосприятия русской нации. Грамматика права заложена в коллективном бессознательном народного языка» [12, с. 96]. А если это так, то нужно отдавать себе отчет в том, что истина не просто рядовое слово, а один из элементов лингвокультурного триединства «добро – истина – красота» – центрального элемента концептосферы «прекрасное». Прекрасного, которое «есть начало всего как творческая причина все движущая и соединяющая любовью к собственному очарованию» (Дионисий Ареопагит), которое с XI в. определяет ценностную систему жизни русского человека [13]. Мы выступаем за то, чтобы такие категории, как истина, правда, справедливость, которые так глубоко и прочно зафиксированы в бессознательном и этике нашего человека, что, возможно, составляют его сердцевину и содержание, не выносились на обочину правовой практики. Очень важно понимать, что язык, его лексические и грамматические единицы – не мертвые пассивные субстанции. Именно они самым непосредственным образом предопределяют нашу модель миропонимания. Трансформируя язык, мы неминуемо изменяем самих себя, поэтому нам нужно хорошо подумать над тем, что имел в виду Ф. Ницше, когда говорил: «Мы проводим эксперимент над истиной! Возможно, человечество от этого погибнет! В добрый час!».

При этом мы не против деконструкции, языковых игр, дискурс-анализа и всего того, что составляет мейнстрим современной постклас-сической науки, что является частью ее методологического аппарата. Все это неизбежное следствие смены парадигмальной матрицы. В конце концов, если модерн заканчивается, если его методология проигрывает сражение, значит он был не настолько убедителен, чтобы и дальше служить единственным эпистемологическим основанием. Главная заслуга постструктуралистов в том, что они научили нас не мыслить нарративно, не видеть мир линейно, а смотреть на себя и окружающие нас явления со стороны, изучая не их природу, а способы описания в различные культурные эпохи. Это они, обнаружив, что все несказанное уже сказано, перенесли акцент с вопроса о сущности и критериях истины на «историю истины», ее связь с воспроизводством власти. Таким образом, сегодня мы знаем не только о «воле к власти», но и о «воле к истине», которая уже со времен античности является одним из фундаментальных инструментов организации различных дискурсов, в том числе юридических. И если запрещенное слово, а также выделение безумия, которые согласно М. Фуко наряду с волей к истине определяют построение дискурса, «становятся все более и более непрочными и неопределенными по мере того, как они оказываются ныне или уже оказались пронизанными волей к истине, – сама эта воля непрерывно усиливается, становится все более глубокой, и ее все труднее обойти вниманием» [14, с. 58]. «Отношение „истина – власть“ остается в центре всех карательных механизмов и сохраняется даже в современной уголовно-судебной практике» [15]. Мы также знаем, что со второй половины XVIII в. власть изменила режим своего функционирования. От централизованной, происходящей всегда сверху, держащей индивида в подчинении из-за страха пытки и жестокого наказания, она стала властью распределения и дисциплины, надзора и контроля, властью малых тел, опирающейся на знания. Не исключение и уголовный процесс. Прежде чем предстать перед судом, вовлеченный в процессуальный механизм субъект поступательно от стадии к стадии дисциплинируется, проходя практику детальных процедур процессуальных действий, где неоднократно означает как преступник через возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого. «Предел французского уголовного правосудия при монархическом режиме – бесконечное расчленение тела цареубийцы: проявление сильнейшей власти над телом величайшего преступника, чье полное уничтожение ярко высвечивает преступление во всей его истине. Идеальная точка нынешнего уголовного правосудия – бесконечная дисциплина. Бесконечный допрос. Дознание, не имеющее конца, – детализированный и все более

расчленяющий надзор. Вынесение приговора, а одновременно – начало дела, которое никогда не будет закрыто» [16]. Именно поэтому мы не хотим, как это давно принято в процессуальной науке, определять свою позицию по вопросам объективности или относительности истины в уголовном процессе. Полагаем, что существует потребность в ином – в изменении режима воспроизводства процессуальной истины-власти, попытке трансформации точек и форм ее проявления с целью реальной антропологизации процесса отправления правосудия, придания ему человекомерного измерения. Измерения, недостаток которого, на наш взгляд, сегодня имеет место. Неслучайно Глава государства заявляет: «Главное – это человек, ни в коем случае от него отмахиваться нельзя... Вы должны постараться сделать максимум, чтобы поддержать добросовестного человека. На практике же говорите, сколько уголовных дел возбуждено правильно, сколько неправильно. И такой стиль работы придумали ведь не рядовые следователи, он спускался сверху ради какой-то, может быть, благополучной ведомственной статистики» [16]. В этом смысле мы выступаем за повышение роли суда в деле производства процессуальной истины. Только ему, максимально независимому от исполнительной власти и от этого лишённому характерной для органов уголовного преследования склонности к репрессии, должно принадлежать право говорить о виновности либо невиновности преследуемого лица. Начать нужно с упразднения несвойственного для органов дознания права принимать юрисдикционные решения, позволяющие им стигматизировать подозреваемого, создавая о нем истину преступления через ритуал возбуждения уголовного дела. Продолжить нужно трансформацию понятия доказательств в уголовном процессе как доказательств исключительно судебных. Переосмыслению следует подвергнуть мифологему о природе следственной власти как производной от власти судебной. И, конечно же, нужно перейти к судебной процедуре санкционирования заключения под стражу, что даст надежды на сохранение свободы воли обвиняемого. Только так мы не достигнем, но хотя бы приблизимся к ситуации, когда «хозяин правосудия отныне не является хозяином его истины» [15].

1. Хайдеггер М. Учение Платона об истине [Электронный ресурс] // Историко-философский ежегодник / под ред. М.В. Мотрошиловой. М. : Наука, 1987. URL: <http://e-dejavu.ru/i/Istina-2.html> (дата обращения: 11.03.2019).
2. История философии : энциклопедия / редкол.: А.А. Грицанов [и др.]. Минск : Ин-терпрессервис ; Кн. Дом, 2002. 1376 с.
3. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством // Теоретические основы доказывания в уголовном судопроизводстве России: середина XIX – начало XX века : хрестоматия / сост. А.Ю. Астафьев, Ю.В. Астафьев. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 45–60.

4. Духовский М.В. Русский уголовный процесс // Теоретические основы доказывания в уголовном судопроизводстве России: середина XIX – начало XX века : хрестоматия / сост. А.Ю. Астафьев, Ю.В. М., 2017. С. 223–256.
5. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М. : Акад. наук СССР, 1947. 276 с.
6. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : НКЮ СССР, 1941. 220 с.
7. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Минск : Акад. МВД, 2017. 264 с.
8. Александров А.С. «Похвала» теории формальных доказательств // Правоведение. 2002. № 4. С. 34–47.
9. Павлов П.В. Онтологическая идея истины: опыт реконструкции методологических подходов : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Юж.-Рос. гос. политех. ун-т (НПИ) им. Платова. Ростов н/Д, 2016. 43 с.
10. Гиренко Ф. Удовольствие мыслить иначе. М. : Акад. Проект, 2008. 235 с.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс]. URL: https://be2.aldebaran.ru/get_file/171949/26115300/Dostoevskiyi_F_Bratya_Karamazovyi.a6.pdf?md5=0f2811125abcbceb6a556e42910fe717&t=1552912627&s=yes (дата обращения: 04.03.2019).
12. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород : Нижегород. правовая акад., 2003. 420 с.
13. Хабарова О.В. Триединство Добро – Истина – Красота как ядерный компонент концептуального пространства «Прекрасное» в древнерусских текстах XI–XIV вв. : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 10.02.01 ; Рос. гос. ун-т. им. И. Канта. Калининград, 2006. 22 с.
14. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М., 1996. С. 47–96.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=95796> (дата обращения: 10.03.2019).
16. Лукашенко: критерием оценки деятельности Следственного комитета является защита нарушенных прав человека и государства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sk.gov.by/ru/news-ru/view/lukashenko-kriteriem-otsenki-deyatelnosti-sledstvennogo-komiteta-javljaetsja-zaschita-narushennykh-prav-2320/#/ru/video-ru/getRecord/700219> (дата обращения: 11.03.2018).

УДК 61:34

Р.Н. Ключко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИЦИНЫ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РИСКОВ ДЛЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

Сегодня право все больше вторгается в сферу медицины, отсюда многочисленность регулятивных норм, которые медицинские работники должны знать и соблюдать при осуществлении своей деятельности. Нормы регулятивного характера направлены на разрешение многочис-

ленных контроверз, связанных с потребностью обеспечения соответствующей охраны часто состоящих в конфликте различных благ и интересов. Именно право необходимо использовать как эффективный инструмент разрешения этих конфликтов, не создавая при этом условий для их эскалации. Для этого надо обеспечить с учетом аксиологического подхода решение вопросов об основаниях и условиях правомерности медицинской деятельности с учетом основополагающих принципов ее осуществления в целях обеспечения охраны здоровья каждого человека.

Общественные отношения, возникающие при оказании медицинской помощи, регулируются нормами различных отраслей права. Защита жизни и здоровья пациента, правовые границы правомерности деятельности медицинских работников определяются нормами конституционного, административного, гражданского, уголовного и других отраслей законодательства. Правоведы считают, что сегодня появилась самостоятельная отрасль права – медицинское право. По мнению Ю.Д. Сергеева и А.А. Мохова, медицинское право представляет собой комплексную отрасль права в виде системы правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу охраны здоровья граждан и медицинской деятельности, а равно общественные отношения в процессе функционирования и развития сферы здравоохранения [1, с. 3; 2, с. 18].

Уголовно-правовые гарантии снижения высокой степени рисков при оказании медицинской помощи являются важным средством обеспечения конституционных прав человека на жизнь и охрану здоровья. Одних лишь уголовно-правовых гарантий реализации прав и свобод пациента недостаточно: следует обеспечить надлежащее правовое регулирование всех видов медицинской деятельности, создав правовое поле для таковой, выйти за границы которого медицинский работник может лишь при наличии условий крайней необходимости, когда требуется незамедлительное принятие решений, в частности при оказании экстренной или неотложной помощи.

Правовая регламентация различных видов медицинской деятельности, связанных с оказанием медицинской помощи, позволяет обеспечивать защиту не только интересов пациента, но и создает правовые гарантии неприкосновенности медицинского работника от правового преследования.

Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» устанавливает две самостоятельные формы оказания медицинской помощи: плановую и скорую медицинскую помощь. Плановая медицинская помощь оказывается при наличии или подозрении на наличие у пациента заболеваний, не требующих экстренного